

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

**ВЫПУСК
32 (95)**

Санкт-Петербург
Издательство "Прас-Атра"
1993

ПРЕДАНИЯ О МУХАММАДЕ ПО АРМЯНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Наряду с сирийскими и византийскими источниками, к числу древнейших литературных памятников, содержащих сведения об исламе и Мухаммаде, принадлежит также сочинение армянских историков. Себеос (VII в.) — первый армянский автор, упоминавший о Мухаммаде. К этой же теме обратился ряд армянских авторов VIII—XIV веков. Наиболее подробные сведения можно почерпнуть у Тоомы Арцруни, Мовсеса Каланкатуаци, Мхитара Анеци, Вардана Аревелци, Киракоса Гандзакеци¹.

Изучение соответствующих материалов армянских источников выявляет, что они в основном касаются, с одной стороны, истории возникновения ислама и биографии Мухаммада, как основоположника этой новой религии, а с другой стороны — некоторых предписаний ислама и их критики с точки зрения христианства.

Об отношениях христианских авторов к исламу Е. А. Беляев, в частности, писал: «Авторы греко-византийских исторических и теологических произведений, стоявшие на позициях официального византийского православия, проявляли к Мухаммаду, которого они считали жлепроком и единственным виновником появления ислама, непримиримо враждебное отношение. Поэтому в византийской литературе ислам представлен в искаженном виде, как бы отражен в кривом зеркале религиозной нетерпимости»².

Упомянутые сведения армянских источников, особенно те, что касаются Мухаммада, несут отпечаток фольклорной традиции; они представляют собой своеобразную смесь некоторых достоверных, соответствующих исторической действительности данных и недостоверных, сказочно-легендарных элементов, причем последние почти всегда преобладают.

В общей сложности у средневековых армянских авторов сохранилось около двух десятков преданий, связанных с именем Мухаммада.

К каким источникам восходят эти предания? На этот вопрос пытались ответить Н. О. Эмин, Б. Кюлесерян, Н. Акинян и др., однако предмет отдельного исследования они не стали.

Так, например, Н. О. Эмин находит, что армянские историки при изложении биографии Мухаммада «...пользовались, как видно, не только письменными мусульманскими источниками, но и устными преданиями, ходившими между последователями Магомета и христианскими населенными Востока»³. По мнению Н. Акиняна, «несмотря на то, что источник этих легенд не упоминается, вероятно, что они почерпнуты из истории Шапуха, судя по стилю и другим обстоятельствам»⁴. Б. Кюлесерян пишет: «Ряд армянских авторов... писали, в виде легендарных сведений, о Махмете и возникновении ислама, и все они, как мне кажется, черпали эти сведения из одного источника — более или менее подроб-

но»⁵. По А. Н. Тер-Гевондян: «Очевидно, эта биография пророка ислама возникла (может быть, переведена) на основе устных преданий, распространенных среди восточных христиан»,⁶ и т. д.

Таким образом, мнения исследователей расходятся.

Пожалуй, пролить свет на эту проблему во многом может помочь привлечение иноязычных источников — как арабских, так и восточно-христианских. Сопоставление их данных с материалами армянских источников позволит составить, по крайней мере, некоторое представление о том, откуда и каким путем проникли в армянскую историографию предания о Мухаммаде.

Обращение к восточно-христианским источникам, в частности к византийским и сирийским, показывает, что и здесь засвидетельствованы подобные предания или легенды. Это говорит о распространении фольклорной традиции о Мухаммаде не только в мусульманской среде, но и в восточно-христианской.

Упомянутые предания не могли возникнуть в христианской среде в условиях противоборства и вражды между христианством и исламом, а проникли сюда из мусульманского мира, но, как в этом убедимся ниже, есть и исключения — некоторые предания родились именно в христианской среде, поскольку в них осмеивается Мухаммад и его жлепрочество.

Пользовались ли армянские историки арабскими письменными источниками? Этот вопрос до сих пор остается нерешенным. Прямых упоминаний об обращении к арабским источникам в армянской историографии не сохранилось. Некоторые исследователи допускают, что армянские авторы могли черпать определенные сведения из арабских источников,⁷ и, по всей вероятности, они правы.

Что же касается сирийских и византийских источников, то армянские авторы иногда повторяют их, как убедимся в этом ниже. Но достаточно ли этого для того, чтобы сделать вывод, что сведения о Мухаммаде проникли в армянскую историографию именно через посредство восточно-христианских письменных источников? Ведь не исключен и устный путь заимствования — непосредственно из арабских или же восточно-христианских источников.

Древнейшим арабским источником, повествующим о Мухаммаде и возникновении ислама, принято считать «Жизнеописание посланника Аллаха» ибн Исхāка (ум. в 767 г.), которое дошло до нас лишь в обработке ибн Хишāма (ум. в 833 г.). По новейшим исследованиям, «самой ранней компиляцией»⁸ из всех известных биографий Мухаммада является «Жизнеописание» Вахба ибн Мунаббиха (ум. в 728 или 732 г.).

В мусульманском мире фольклорная традиция о Мухаммаде сложилась еще в первых веках хиджры. Как по праву отмечают исследователи, в частности А. Крымский, «те ходячие представления, какие имеет о своем Пророке общая масса мусульман, изобилуют элементами фантастическими и совершенно недостоверными»⁷. В качестве примера А. Крымский приводит афганскую народную песню, где говорится о том, как Мухаммад сотворил чудо — сделал из камня птицу, которая не только жила, но и заговорила с ним¹⁰.

Много чудес описывается также в житиях пророка (сыра) и рассказах о его рождении (ал-Маулид аш-шариф), кстати, о последних еще автор XV в. ибн Халджар писал, что они «содержат в себе имена таких лиц, таких местностей, стран, царств и царей, которые никогда и на свете не существовали»¹¹.

Из знаменитых чудес, связанных с именем Мухаммада, вспомним, например, мир'адж¹² — описание его ночного путешествия на седьмое небо, пользующийся большой популярностью среди мусульман.

Таким образом, как и следовало ожидать, в мусульманской фольклорной традиции описание чудес, приписываемых Мухаммаду, занимает значительное место¹³. Эта тенденция отразилась и в армянских источниках, как увидим далее.

В пределах Арабского халифата, где христиане и мусульмане жили бок о бок в течение столетий, было совершенно закономерным как проникновение отдельных образов мусульманской фольклорной традиции о Мухаммаде в христианскую среду, так и возникновение своеобразной «контр-традиции» об основоположнике противоборствующей религии в самой христианской среде.

Как уже отмечалось, древнейшие в армянской литературе сведения о Мухаммаде засвидетельствованы у Себеоса и Гевонда. У них можно найти отголоски упомянутой фольклорной традиции в виде предания о заключении союза между арабами и иудейскими племенами, которое повторяется у более поздних авторов — Товмы Арцруни, Степаноса Асохика, Безымянного Повествователя, Киракоса Гандзакци и Вардана¹⁴.

Это предание дошло до нас в двух основных вариантах. Согласно первому из них (Себеос, Товма, Асохик, Вардан), Мухаммад обращается к иудеям, как к «сынам Авраама» — братьям арабов по крови и по вере» (новую веру, которую он проповедовал, Мухаммад представлял как переосмысление заветов древней веры Авраама), и, заключив с ними союз, с помощью арабо-иудейского войска укрепляет свои позиции. По второму варианту иудеи сами обращаются к Мухаммаду (Безымянный Повествователь, Киракос), делая его своим предводителем.

Это предание отразилось также и в сирийских источниках, только очень лаконично¹⁵.

Как известно, в начале проповеднической деятельности Мухаммада иудейские племена Йемена действительно оказали ему поддержку; восточно-христианская фольклорная традиция

представляет этот факт в преувеличенном виде.

Если биографические «подробности» о Мухаммаде, сообщаемые Себеосом, ограничиваются лишь тем, что он был «одним из сынов Исмаила» и купцом,¹⁶ а у Гевонда и вовсе отсутствуют (если не считать тех некоторых намеков, которые сохранились в послании императора Льва), то у Товмы Арцруни уже можно найти ряд фактов, в общем верно отражающих арабскую традицию.

Так, Товме Арцруни (IX в.) известно, что отца Мухаммада звали 'Абдалла́х (Արթուր) и что из-за его ранней смерти Мухаммад осиротел. Ребенка взял на свое попечение его дядя Абу Талиб (Աբուտալիպ). Повзрослев, Мухаммад начал служить у одного своего богатого родственника («пас его верблюдов и управлял его домом»). После смерти последнего Мухаммад женился на его богатой вдове и стал «купцом, сведущим в деле торговли».

Затем Товма впервые в армянской историографии передает одно из самых распространенных преданий о Мухаммаде — описание его встречи с армянским монахом Бахйрой,¹⁷ который «убеждал его следовать вере первых Израильян». Мухаммад начал проповедовать, стремясь разрушить ложную веру в идолов, но подвергся гонениям и был вынужден убежать в город Мадиам вместе со своим двоюродным братом Али и 40 другими единомышленниками. Здесь он при содействии иудеев добился власти, вернулся в Мекку с иудейско-арабским войском, разрушил идол «Самама» и покорила всех жителей близлежащих земель. Услышав об успехах своего ученика, Бахйра отправился к нему в надежде удостоиться его признательности. Однако Мухаммад, который говорил людям, что проповедует им услышанное от ангела, тайне убил Бахйру. В это время приехал в Мадиам перс по имени Салман — обученный грамоте ученик некоего монаха. Мухаммад, будучи безграмотным, приказал Салману «писать книгу Закона для своего народа через Исмаильянина Абу-Тураба». «Все это утвердив, дал он своему народу — под названием Корана», затем, прожив еще 20 лет, умер¹⁸.

Таким образом, сведения, сообщаемые Товмой, в основном соответствуют общеизвестным фактам биографии Мухаммада. Но при этом обнаруживаются также некоторые «сказочные» элементы и отклонения от арабской традиции, как, например, история убийства Бахйры, эпизод о написании Корана по приказу Мухаммада и т. д.

У Мовсеса Каланкатуци (X в.) история встречи с Бахйрой приобрела дополнительные «волшебные» элементы. Так, если по варианту Товмы Мухаммад встречает Бахйру по пути в Египет и Палестину, куда он отправлялся по торговым делам,¹⁹ то по версии Каланкатуци Мухаммада — «сурового луконосца», жившего в пустыне, сводит с армянским отшельником дьявол в образе оленя. Видя лук, натянутый на него, отшельник просит не убивать его, сообщает Мухаммаду, кто он, и становится его учителем,

обучая его Ветхому и Новому Заветам. Мухаммад начинает рассказывать своим сородичам все слышанное от учителя. Они, удивленные дивными его рассказами, интересуются, откуда он узнает все это. Мухаммад отвечает, что ангел говорит с ним, как с пророком²⁰. Желая проверить это, сородичи ставят соглядатаев, чтобы следить за Мухаммадом. Узнав об этом, Мухаммад тайно убивает Бахйру и зарывает в песок²¹. Убедившись, что Мухаммад один в пещере, соплеменники начинают верить, что он действительно пророк²².

Этот же вариант почти дословно повторяется в летописи Безмяяного Себастиа (XIII в.), только без последней части²³. Себастиа повторяет не только Каланжуацци, но и Вардана, и автора «Кашуна», как это явствует из сопоставления соответствующих отрывков²⁴.

Таким образом, как это видно по примеру Безмяяного Себастиа, упоминания о Мухаммаде, нашедшие место в армянской письменности, восходят вовсе не к «одному и тому же источнику», как предполагал Б. Кюлесерян²⁵. Армянские историки пытались собрать воедино сведения всех тех источников, которые были у них под рукой.

Примечателен вариант предания о Мухаммаде, который отразился в «Истории Безмяяного Повествователя» (предположительно XI в.) и фактически не имеет параллелей ни у одного другого автора²⁶. Здесь переплелось несколько легенд: о встрече с Бахйрой, о заключении союза с иудеями и т. д. Эти легенды можно найти и у других историков, однако в варианте Безмяяного Повествователя они выступают с более сильным влиянием народной словесности и более значительным искажением исторической действительности. Так, например, такие исторические личности, как дочь Мухаммада Фатима и его двоюродный брат 'Али, здесь представлены в совершенно иных «ролях». Фатима превратилась в сестру Мухаммада, а 'Али, который в действительности был одним из ближайших соратников и единомышленников Мухаммада, — в его противника, замышляющего даже его убийство. Сам Мухаммад превратился в сына перса по имени «Абдурахман, сын Абдулла, сын Белмика», живущего «в городе Руеран, близ города Рея, напротив крепости Исфакан». Отец Мухаммада тратит «много средств», чтобы излечить своего сына, «одержимого бесом»,²⁷ но бесполезно. Ему советуют отвезти сына в «страну Сирийскую» к монаху Саргису. Саргис «верою был историком»²⁸ и любил царедворство и колдовство, и очень искусен был в искусстве ворожбы и колдовства». Монах обещает вылечить Мухаммада, но при условии, что он отречется от идолопоклонства. Таким образом, монах крестит Мухаммада «согласно вере историком». Затем Мухаммад получает известие о смерти отца. Вернувшись домой, Мухаммад видит, что 'Али присвоил все имущество его отца. При возвращении к Саргису Мухаммад рассказывает ему об этом. Саргис утешает его, говоря: «Я возвещу тебе больше, чем твой отец и весь род

твой». Монах советует ему вернуться домой, уговорить нескольких купцов уехать в Египет, а по дороге сделать привал у монастыря Саргиса. Тогда Саргис придет к Мухаммаду с дьяконами и сообщит его спутникам, что было ему видение небесное о том, что Мухаммад — пророк. Мухаммад слушается монаха, и скоро его слава доходит до персидского царя Чаласпа Касре. Последний желает убить Мухаммада, как намеревающегося «отменить почитание идолов». Тогда Мухаммад и 'Али, взяв с собой Фатиму, из Персии переезжают в страну Вавилонян. Здесь, на берегу Евфрата, Мухаммад начинает строить город Багдад. Мухаммад и 'Али ссорятся и занимают противоположные берега реки. 'Али хочет убить Мухаммада, но Фатима не позволяет ему этого. В это время иудеи, услышав, что Мухаммад стал царем страны Вавилонян, приходят к нему с многочисленными дарами и просят его, как «сына Исмаила», «унаследовать» город Иерусалим. Мухаммад прибывает в Иерусалим с войском. Затем он покоряет ряд городов Киликии и отправляется в Египет. Он завоевывает также Персию, возвращается в Багдад, читает «древние писания» и утверждает «исповедание единому богу». Однако он оставляет веру Нестора и создает новую веру, провозгласив себя пророком народа персидского. Вариант Безмяяного Повествователя кончается тем, что Мухаммад облагает данью и землю Армянскую²⁹.

Несмотря на то, что вышеупомянутая история о Мухаммаде дошла до нас как составная часть сочинения Безмяяного Повествователя, связь ее с этим сочинением условна, как по праву отмечает М. Дарбинян-Меликян³⁰. В Матенадаране хранится ряд рукописей, в которых эта история выступает или как самостоятельное сочинение (напр., ркп. № 3447), или как составная часть сборников сочинений различного характера, в том числе и переводных³¹.

С первого взгляда эта история вызывает недоумение из-за слишком больших искажений исторической действительности и насыщенности неправдоподобными — сказочными — элементами, однако можно встретить не менее удивительные искажения и в византийских источниках³². По всей вероятности, подобные фантастические «сказки» о Мухаммаде были довольно распространены в восточно-христианской среде. Не случайно, что еще в IX в. ал-Джахиб протестовал против искажений подобного рода, используемых в христианской богословской (особенно полемической) литературе³³.

И, наконец, можно встретить целый ряд преданий о Мухаммаде у Мхитаря Анеци (конец XII — начало XIII в.) и Вардана Аревелиди (XIII в.). Поскольку оба этих автора черпали упомянутые предания из одного и того же источника, как уже выявлено исследователями,³⁴ то мы остановимся именно на этом источнике — «Кашуне».

Так называемый «Кашун» — сочинение теологического характера. Попытки исследователей выяснить, когда и кем оно было создано или же переведено на армянский язык, оказались тщет-

ными³⁵. Б. Кюлесерян, в частности, выразил мнение, что «Кашун», вероятно, переведен с каршуня³⁶. Если предположить, что это действительно так, то по всей вероятности это произошло не раньше X в. и не позднее XII в., так как: во-первых, каршуня начал использоваться в среде арабоязычных сирийцев и христианских арабов в X в.,³⁷ во-вторых, первый армянский историк, знакомый с «Кашуном» — Мхитар Анеци, живший в конце XII — начале XIII в.

Предания, засвидетельствованные в «Кашуне», не знакомы армянским историкам VII—XI вв. (за исключением предания об арианском монахе). Мы рассмотрим те из них, которые касаются непосредственно Мухаммада. В упомянутых преданиях отчетливо проследываются две тенденции: мусульманская и христианская, т. е. часть из них проникла в восточно-христианскую среду из мусульманской, другие же возникли в христианской среде. Первым свойственно приписывание Мухаммаду сверхъестественных качеств и совершение всевозможных чудес, в то время как последние представляют основоположника противоположающей религии как лжепророка, самозванца и обманщика.

Предания, относящиеся к первой группе, следующие:

1. Мухаммад зовет дерево из леса, и оно, прохаживаясь, подходит к нему, затем по его велению снова возвращается на свое место³⁸.

2. Мухаммад делал так, что людям казалось, будто горы движутся с места, и из пяти своих пальцев заставлял бить ключом источники воды³⁹.

3. Рассказывают, что Мухаммаду преподнесли жареного козленка, которого отравили с целью убить пророка. Когда Мухаммад приступил к еде, козленок заговорил при всех, предупреждая: «Не отдавай меня, потому что на меня насыпали яд для тебя»⁴⁰.

4. Однажды на караван напали разбойники, однако Мухаммад посреди сухой равнины сотворил море, которое окружило караван, не подпуская разбойников близко. Разбойники прождали три дня, но напрасно⁴¹.

5. Говорят, что Мухаммад раскалывал луну на четыре части, затем снова соединял их⁴².

Неизвестный автор «Кашуна» при передаче вышеупомянутых преданий неоднократно употребляет слово «говорят», предание же о караване завершает словами: «Это нам повелили его (т. е. Мухаммада) единоверцы». Очевидно, что эти предания⁴³ стали ему известны из устного источника, причем мусульманского.

Ко второй группе относятся следующие предания:

1. «Мы поведаем еще и другой сказ, который по праву заслуживает высмеивания. Потому что, когда Мухаммада обрядили в саван, положили его в саду непогребенного, думая, что на третий день он воскреснет подобно Христу Господу нашему. И когда его ученики задремали, собаки, вошедши [в сад], сгрызли лицо трупа Мухаммада. И когда [собаки] находились в саду, ученики увидели их; в один день этого месяца они

перевели собак, что и делают [мусульмане] по традиции по сей день»⁴⁴.

2. Однажды, когда Мухаммад сидел на многолюдной площади в Медине и говорил с людьми, он внезапно исчез. Пока все присутствующие в изумлении думали о происшедшем, он снова появился и рассказал людям, что это божий ангел схватил его и увез в Мекку. Поскольку все знали, что Мухаммад никогда не видел Мекку, между тем теперь в точности описывал ее так, как будто с детства вырос там, люди поверили, что он действительно пророк⁴⁵.

В то же это предание возникло в немусульманской среде, не может быть сомнений: Мекка, будучи родным городом Мухаммада, не могла быть ему незнакома (между тем в «Кашуне» местом его рождения считается Медина)⁴⁶. Об этом свидетельствует также следующее разъяснение автора «Кашуна»: «И это потому, что он слышал о похищении пророка Аввакума из Иерусалима в Вавилон, к Даниилу, и решил так сказать им и о себе»⁴⁷.

Когда люди поверили в то, что Мухаммад действительно посланник бога, попросили его «установить для них закон». Мухаммад написал на какой-то бумаге все, что хотел, и привязал свиток к рогам коровы. Затем он спрятал тельника этой коровы в доме, корову же отдал слуге, повелев на заре выпустить ее на свободу. Утром, когда Мухаммад говорил с собравшимися вокруг него людьми, разъяренная корова, искавшая своего тельника, прорвала толпу и приблизилась к Мухаммаду. Мухаммад отвязал свиток от ее рогов и провозгласил, что корова вместе со свитком ниспослана с неба, из-за чего и «...ныне в Коране в предисловии ... пишут и называют сурат ал-Бакара, т. е. глава или Закон Коровы»⁴⁸.

Последнее предание можно найти и в сирийском «Откровении Бахирь»⁴⁹; в византийских источниках оно отсутствует, следовательно, можно предположить, что оно, должно быть, сирийского происхождения.

Таким образом, как было показано, предания о Мухаммаде, отразившиеся в армянских источниках, имеют точки соприкосновения с данными то арабских, то византийских или сирийских источников. Кроме того, в армянских источниках сохранилось несколько таких преданий, которые отсутствуют в вышеупомянутых как византийских, так и сирийских источниках, и наоборот. Поскольку речь идет о фольклорной традиции, то это вполне объяснимо. Иными словами, в византийских, сирийских и армянских источниках отразились иногда одни и те же, а иногда — разные фрагменты той своеобразной фольклорной традиции о Мухаммаде, которая существовала в восточно-христианской среде в средневековый период.

Напомним, что еще в «Истории» Гевонда можно обнаружить некоторые образцы византийской полемической литературы — в виде двух посланий императора Льва, адресованных «Омару, вождю сарацинов»⁵⁰. Несомненно, армянские историки последующих веков тоже не могли быть совсем непричастны к ней. Вспомним хотя

бы сочинение Григора Татеваци (XIV в.) «Против мусульман», написанное явно в духе византийских полемистов и подражающее им, и которое, кстати, вовсе не беспрецедентное явление в армянской литературе⁵¹. А знакомство с византийской полемической литературой уже подражательное, в определенной степени, знакомство и с преданиями, распространенными в сирийской среде: нельзя забывать, что часть византийских полемистов, будучи сирийцами по происхождению,⁵² естественно, не могли быть не причастны к фольклорной традиции, распространенной в сирийской среде, что и отразилось в их сочинениях. Кроме того, армянские историки, по всей вероятности, обращались также и непосредственно к сирийским теологическим сочинениям; проявлением этого нужно считать, видимо, армянский перевод «Кашуна», связь которого с сирийскими источниками, как было показано, очевидна и, по всей вероятности, подтвердится в ходе дальнейших изысканий.

Итак, можно сделать вывод, что одним из вероятных источников проникновения преданий о Мухаммаде в армянскую письменность явились византийские и сирийские богословские и исторические сочинения.

Но, как мы увиделись, часть преданий восходит и непосредственно к устным источникам — восточно-христианским или арабским (мусульманским). Следовательно, армянские авторы пользовались как письменными, так и устными источниками.

Составить более полное представление об отражении фольклорной традиции о Мухаммаде в восточно-христианской литературе поможет привлечение других восточно-христианских источников (коптских, эфиопских, грузинских и др.). Материалы, касающиеся ислама и Мухаммада, которые содержатся в армянских источниках VII—XIV вв., являются лишь частью так называемого «исламо-христианского диалога» (dialogue islamo-chrétien) — объемистой литературы, изложенной на ряде языков и носящей, главным образом, богословско-полемический характер⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Подробную библиографию см.: Ter-Ghévondian A. Auteurs Chrétiens Arméniens (VII—XIVe s.). Bibliographie du dialogue islamo-chrétien. — Islamochristiana, 6, Roma, 1980, p. 279—287.
2. Беллев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, с. 88.
3. Энин Н. О. Магомед по армянским источникам. Исследования и статьи Н. О. Энина по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы. М., 1896, с. 335.
4. Акинян Н. Шапух Багратуни и его история. Филологические исследования. т. I, Вена, 1922, с. 195—196 (на арм. яз.).
5. Кюлесерян Б., Ислам в армянской письменности. Вена, 1930, с. 189 (на арм. яз.).
6. Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977, с. 263.
7. Акинян Н., Филологические исследования. т. III, Вена, 1930, с. 75—76 (на арм. яз.). Koumjian D., Problems of Medieval Armenian and Muslim Historiography. The Mxit'ar of Ani Fragment. — International Journal of Middle East Studies, 4, 1973, p. 465—475.
8. Kister M. J. The Sirah literature. — Arabic Literature to the end of the Umayyad period, edited by A. F. L. Beeston,

T. M. Johnstone, R. B. Serjeant and G. R. Smith, Cambridge, 1983, p. 356, 357. М. Кистер основывается на исследовании Р. Кури: Khoury R. G., Wabih ibn Munabbih, Der Heidelberger Papyrus. P. S. R. Heid. Arab. 23, Wiesbaden, 1972. Об остальных источниках см.: Крымский А., Источники для истории Мохаммеда и литература о нем, Труды по Востоковедению, изд. Лазаревского Института Восточных Языков, вып. XIII, М., 1902, а также ук. соч. М. Кистера, с. 352—367.

9. Крымский А., ук. соч., с. 90.
10. Там же, с. 91.
11. Там же, с. 93, прим. 2.
12. Кюлян, XVII.
13. Подробнее об этом см. у М. Кистера, ук. соч., с. 355—357, а также: Винников И. Н., Легенда о признании Мухаммеда в свете этнографии. С. Ф. Ольденбург к 50-летию на научно-общественной деятельности. Сборник статей. Л., 1934, с. 125—146.
14. История Себеоса, Ереван, 1979, с. 135—136 (на арм. яз.). Гевонд, История, Ереван, 1982, с. 18—19 (на арм. яз.). История рода Ардуни, вардапета Товмы Ардуни, Тифлис, 1917, с. 172—173 (на арм. яз.). Всеобщая история вардапета Степаноса Таронечи, Париж, 1859, с. 120—121 (на арм. яз.). История Безмянжого Повествователя, Ереван, 1971, с. 69. Киракос Гандзакечи, История Армении, Ереван, 1961, с. 58 (на арм. яз.). Всеобщая история Вардана Великого, пер. Н. Энина, М., 1861, с. 87—89.
15. Христик патриарха Мухаммада Сирийца. Иерусалим, 1871, с. 294 (на арм. яз.). В византийских источниках зафиксирован несколько иной вариант этого предания: иудеи сначала принимают Мухаммада за Христа, которого ожидали, но затем, увидев, что Мухаммад ест верблюжье молоко, убеждаются в том, что ошиблись (см. Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio, v. I, Washington, 1967, p. 81).
16. История Себеоса, с. 135.
17. Об этом предании подробнее см.: А. Мелконян, Образ Бахыри в армянских средневековых источниках (статья дана в печать).
18. Товма, с. 169—177.
19. По арабской традиции Мухаммад встречается с Бахйрой в Сиахи, куда приезжает с караваном (см. ابن السكيت). الطيقات الكبرى، ج ١، بيروت، ١٩٧٤، ص ١١٠-١١٢. ابن السكيت
20. По арабским источникам — ангел Гавриил (ср. ابن اسحق). По некоторым византийским источникам (Варфоломей Элезский) тоже Мухаммад выдает все, чему учился у Бахыри, за услышанное от ангела Гавриила (см. Khoury A. Th., Les theologues byzantins et l'islam. Textes et auteurs (VIIIe—XIIIe s.), Paris, 1969, p. 291; далее — Khoury).
21. Эпизод об убийстве Бахыри отразился и в византийских источниках, но несколько в ином виде. Так, по Ефиму Монаху (XIII в.) однажды в пьяном состоянии Мухаммад убивает своего учителя и с этого времени запрещает пить вино (см. Khoury, p. 307). Этот эпизод, отсутствующий в арабской традиции, несомненно является порождением восточно-христианской среды и намеренно подчеркивает отрицательные качества Мухаммада, рисуя его неблагойарным и т. п.
22. Моисес Каланкатуаци, История страны Алуанк, Ереван, 1983, с. 287—288 (на арм. яз.).
23. Там же, с. 287. Малые хроники, XIII—XVIII вв., Ереван, 1956, с. 124 (на арм. яз.).
24. Вардан, с. 88. Малые хроники, с. 124. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 198. Малые хроники, с. 125.
25. См. прим. 5.
26. Выдающаяся Н. Акиняном версия о том, что источником легенды о Мухаммаде является «История» Псевдо-Шапуха Багратуни (т. е. Безмянжого Повествователя), не выдерживает критики по двум причинам: во-первых, легенды о Мухаммаде зафиксированы еще в предшествующих по времени Псевдо-Шапуху армянских источниках (VII—X вв.), во-вторых, «История рождения и воспитания слуги Антихриста Мухаммеда и царствования его», содержащаяся в сочинении Псевдо-Шапуха, стоит особняком во всей армянской историографии; ее не повторяет ни один другой историк.
27. Мухаммада называют «бесноватым» не только армянские (Товма Ардуни, Киракос Гандзакечи), но и византийские авторы (Феофан Исповедник, Никита Восточский, Варфоломей Элезский и др. См. Khoury, p. 108, 290 etc.).

Согласно арабской традиции, при божественных откровениях Мухаммад впал в состояние, напоминающее приступ лихорадки.

28. По некоторым византийским источникам (Ефим Монах, Варфоломей Эдесский) учитель Мухаммада является несторианном; по более ранним источникам (Иоани Дамаскин, Георгий Амартол) он — армянец, как и по большинству армянских источников. Из сирийских авторов Михаил Сирец также называл его армянец. Подобные различия можно найти и в самих арабских источниках, где Мухаммад беседует то с Бахирой, то с Нестором, то с монахом по имени Сергей. См. *ابن سعد* 157-158.

29. История Безымянного Повествователя, с. 41—47, 69—73.

30. Там же, с. 199.

31. Рукопись Матенадарана № 2506, 3206, 3260, 6961, 8100, 8367 и др.

32. Так, например, у Варфоломея Эдесского можно найти историю не только Мухаммада, но и его предков, которая полностью является плодом фантазии. Мать Мухаммада, 'Амьяна, здесь описывается как рабыня, которую 'Абдаллах покупает на рынке арабов. Мухаммад собственноручно убивает Абу Талиба и его брата, которые не верили в его пророческую миссию, кончина же Мухаммада здесь представлена следующим образом: родственники требуют от Мухаммада совершения чудес в качестве доказательства его пророческой миссии, однако Мухаммаду ничего не удается; тогда его привязывают к хвосту опьяненного вино верблюда и гонят последнего по полям (Khoury, p. 288—292).

33. *Kitāb fī l-radd 'alā l-naṣārā*, éd. Finkel, Le Caire, 1926, p. 18—20 (по: Khoury, p. 269, note 9).

34. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 191. См. также с. 27—31 предисловия А. Г. Маргаряна к кн.: «Мхитар Анеци, Книга по всемирной истории», Ереван, 1983.

35. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 190—193. Ахиян Н., Автор сочинения «Выдержки из Кашуна», Андес Амсореа, 1930, с. 620—624 (на арм. яз.).

36. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 192.

37. Trousseau G., Karshuni, *Encyclopédie de l'islam*, t. IV, Leiden — Paris, 1978, p. 699.

38. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 216. Ср. *ابن سعد* 157.

39. Кюлесерян Б., там же. Ср. *ابن سعد* 157.

40. Кюлесерян Б., там же. Ср. *ابن سعد* 157.

41. Кюлесерян Б., там же.

42. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 210. Об этом намекается в Коране (Коран, 54, 1).

43. Эти же предания можно найти и в сирийских источниках, в частности, у Бар Эбрея, однако он — автор конца XIII в. (см. *ابو الفرج، تاريخ مختصر الدول، بيروت، 1917، ص: 171*).

44. Кюлесерян Б., ук. соч., с. 210.

45. Там же, с. 210, 212.

46. Там же, с. 194.

47. Там же, с. 212.

48. Там же, с. 218, 220.

49. Gotthel R., A. Christian Bahira Legend, *Zeitschrift für Assyriologie*, В. 17, 1903, p. 152. Впервые на этот факт обратил внимание А. Мелконян (см. уп. статью, с. 8).

50. Геованд, с. 46—86, с. 150, прим. 64.

51. Подлинные икононаши звучат у Григора Магистроса (XI в.): см. Послания Григора Магистроса, Александрополь, 1910, с. 194—200 (на арм. яз.). Отдельные предсказания ислама подвергаются критике Товма, Калаикатуаци, неизвестный автор «Кашуна», Самуел и Мхитар Анеци, Киракос Гандзакци, Мхитар Гюш.

52. Например, Теодор Абу-Курра, Варфоломей Эдесский и др. (см. Khoury, p. 264, 83).

53. Khoury, p. 39.

A. N. Mkrtchian

LES LÉGENDES CONCERNANT MUHAMMAD D'APRÈS LES SOURCES ARMÉNIENNES

Les sources arméniennes (VIIe—XIVe siècles) contiennent près de deux dizaines de légendes concernant Muhammad. Ces légendes remontent tantôt à la tradition chrétienne orientale (en particulier, aux sources syriaques et grecques), tantôt à la tradition folklorique arabe (musulmane). Alors, respectivement, les premières caractérisent Muhammad comme un faux prophète et imposteur, possédé du démon, tandis que les dernières lui attribuent des qualités surnaturelles et le don de produire toutes sortes de miracles.